

Адель Хаиров

Муза и Бахус

Пострадавший от Кутуя

Выход «Неотосланных писем» Адели Кутуя на русском языке совпал с моим рождением. В роддом, что на Большой Красной, передали авоську с дефицитными марокканскими апельсинами, которыми вкусно пропахла тонкая книжица в твёрдом переплёте. Она то и «придумала» новорождённому имя: немного французское, немного женское. Но по-татарски Адель пишется как Гадел и произносится в русской транскрипции приблизительно «Хадел».

В те годы это было одно из самых популярных имён в Казани, наряду с именами героев книги, конечно. Вспоминаю, как в семилетнем возрасте мама взяла меня на вокзал встречать фирменный поезд «Татарстан». Из вагона вышел молодой мужчина актёрской внешности, а может, просто пижон, и представился Аделем Аделевичем!

Когда папа на всю зарплату инженера (эту информацию мои детские уши почерпнули из домашней ссоры) купил в «Букинисте» два перетянутых сафьяновой кожей тома Пушкина, то я любил, спрятавшись за шторой на широком подоконнике, разглядывать картинки, прикрытые пергаментом. Приподнимаешь полупрозрачную «занавеску», а там полунагая девушка расчёсывает свои чёрные волны, в которых запуталась белая кувшинка. Внизу подпись с ятями и ерями: «Ленивый муж своею старой лейкой / В час утренний не орошал её; / Он как отец с невинной жил

еврейкой, / Её кормил – и больше ничего».

Почти сразу же я набрёл на строчки, которые с тех пор считаю своим девизом и одновременно руководством к действию!

**Играй, Адель,
Не знай печали...**

Если вдуматься, то в этих строках есть серьёзная мысль: «Всё, что делаешь, делай без напряжения. Твори – легко, играючи! И тогда всё получится!». Вот так я понял эти слова поэта, вне всякого сомнения обращённые ко мне.

Но у моего имени была и своя отрицательная сторона. Это выяснилось в школьные годы. Моё имя магнитом притягивало к себе фамилию Кутуй. В классе шестом какой-нибудь придурок, выглядывая из-за угла, пулял дразнилкой, рифмуя Адель Кутуй с непечатным словом из трёх букв, и давал дёру! И тут я прямо-таки увидел, как многие татарские слова и фамилии в зоне русского языка начинали корчиться от боли и обретать иной, обидный, смысл. Первым пострадал Кутуй, потом Каюм Насыри... Афиша спектакля «Галиябану» на стене Театра им. Тинчурина вызывала у школьников противный смешок, а такое слово, как «ябыла» («закрывается»), повторялось пацанами с издёвкой как ругательство.

Поэтому когда я начал украдкой писать стихи, то первым делом придумал себе новое имя – Авель. Но буква «в» в моём имени прожила недолго, как и сам библейский герой. И я вновь стал Аделем!

Первая встреча

Айдар Сахибзадинов где-то написал, что, возвращаясь с рыбалки, видел, как Рустем Кутуй распевал арии у «Дома лесника» на улице Жданова.

Удивительно, но в тот же самый момент я тоже куда-то мимо него шёл. Помню на ступеньках подъезда подда того мужика с бородкой клинышком, одетого изящно, как итальянский тенор. Кажется, был даже повязан на шее клетчатый платок, а костюм у него – щегольской из вельвета. Пел он красиво, не фальшивя, но время от времени посылал слушателей куда Макар телят не гонял..

Заприметил я в сторонке и Сахибзадинова, с которым тогда ещё не был знаком. Просто смотрю, какой-то долговязый, нескладный парнишка с удочками заслушался. В пакете у него сопливились ерши.

Это было летним вечером, запомнился золотистый закатный свет... Прошло немного времени, и эти казанские персонажи обрели для меня свои имена.

Когда в 1989-м я начал работать в журнале «Идель», то самым шумным автором у нас был, пожалуй, Рустем Кутуй. Он не мог появиться незаметно, всегда вокруг него затевался шум. То ли ругались, то ли спорили. Рядом с ним обязательно вертелась парочка «чертей», от которых несло сладким перегаром. То ли художники, то ли поэты.

Купюры гонорара, которые отсчитывали в тесной комнатухе, сразу же в соседнем кафе «Сарман» превращались в винные этикетки. Кутуй даже не успевал сунуть деньги в карман, так быстро они улетучивались, будто мёртвые бабочки, поднятые ветром. Потом он топорщил вверх свою жиденькую бородёнку и начинал задирать прохожих...

В окружении молодых он играл старика. Шаркал ногами, кряхтел и откашливался, тяжело поднимаясь по лестнице. Любил, когда его поддерживают и куда-нибудь провожают. Но потом я разоблачил его: из окна трамвая увидел, как бодро Рустем Адельшевич пе-

ребегает улицу, названную в честь его отца, а затем быстренько семенит куда-то...

Однажды я слышал, как он хвалился в коридоре Союза писателей: «На днях забрали в вытрезвитель. И знаешь где? На улице Аделя Кутуя. Я им говорю, вашу мать, это же мой отец! Так они меня даже до дома довезли...».

Уверен, многие, дочитав до этого места, скажут: ну зачем об этом говорить? Ну злоупотреблял мэтр, и что? Ведь не это главное! Ахат Мушинский даже вспоминает: поэт якобы горько сожалел, что пил горькую и больше общался с Бахусом, нежели с Музой! Не знаю... Всё же я убеждён, что все наши дурные привычки и наклонности – это неотъемлемая часть нас самих. Представить невозможно, чтобы Кутуй, бросив курить и пить, стал заниматься йогой или бегать трусцой. Не его это! Тогда бы наверняка ушло из поэтического природы нечто трагическое...

Если бы не пил Есенин, не пил Николай Рубцов, Геннадий Капранов, Мударрис Аглямов, Нияз Акмал, то и стихи у них были бы совсем другие!

Странное местечко

Как-то я застал Рустема Адельшевича на лавочке, нагретой сентябрьским солнышком, во дворе его дома. Жил он в трёхэтажной «сталинке» с жёлтой штукатуркой неподалёку от ресторана «Акчарлак». Странное это было местечко, какое-то ненормальное. На краю бывшей «Немецкой Швейцарии», заросшей дикой малиной, в тесном кольце психбольницы, наркологии, вендиспансера и «Татаркино»!

Рядом, в доме напротив, обитал герой Советского Союза Михаил Девятаев, через дом – сын композитора Александра Ключарёва Эмиль, с которым он дружил. В психбольнице им. Сеченова в разные годы кого только

не лечили: и царевну Анастасию Романову, и сектанта Порфирия Иванова, и людоеда Суклетина, и правозащитницу Валерию Новодворскую, и террориста Ильина, стрелявшего в Брежнева, и т.д.

И пусть Рустем Адельшевич скорее всего даже не ведал об этом соседстве за высоченным забором с колючкой, но ведь они были рядом, они обитали с ним на одном казанском пяточке и всех их вместе освещала одна и та же бледная татарская луна! Столько безумных на несколько соток земли, это же какая трескучая энергетика расплзалась вокруг!

Он подозвал меня посидеть рядом. Много курил самых дешёвых папирос, как-то глубоко заглатывая дым и выпуская его из ноздрей в усы и бородку, которые потом долго клубились «туманом». Шебурша палкой в опавшей листве, вытирал платком слезящиеся бесцветные глаза и говорил с одышкой: «Такие стихи пишутся на похмельную голову, куда там трезвеннику! Черепушка скрипит, как лодка во льдах, того и гляди, треснет по швам. Дикие образы приходят, необычные сочетания слов...».

Зашли в рюмочную, где ему отпустили в долг. Там он с гордостью показал мне трещину в толстом витринном стекле, заделанную наспех фанеркой, и сказал с гордостью: «Эту дырку моя голова проделала, когда я тут свалился со стула!».

Оцарапанная дверь

Потом пригласил меня к себе. Какая-то озабоченная женщина мелькнула мышью в сумрачном коридоре. Он на неё зло зыркнул. Дверь в его кабинет была обита новым красным дерматином, но внизу виднелись три глубокие царапины, из которых выбился поролон. Кутуй мрачно пошутил: «Это Смерть приходила, но я её послал!».

В прямоугольной комнате во всю стену – книжный шкаф, в котором не

осталось ни одного уцелевшего стекла. «Всё палкой переколотил!» – пояснил Кутуй.

Много фотографий. Вот Рустем Кутуй – молодой, пижонистый. Мелкие кудри у него вились каракулем и ниспадали, взгляд с ленцой блуждал по женщинам и облакам. Вот поэт среди казанских прозаиков, все смотрят в объектив, а он куда-то мимо, в сторону.

В стены, мебель и рукописи вьелся крепкий запах табака и кисловатый – старика. Я выудил из плаща бутылку, он прошаркал на кухню за хлебом с солью.

Пили рывками, пряча за книги липкие рюмки от бывшей Музы поэта, которая теперь стала ему вахтёром. Конечно, тяжело жить с поэтом, тем более когда он поддаст. Николая Рубцова вон жена задушила подушкой в «креценские морозы!»

«Как-то закрыла она меня дома, – начал сердиться Кутуй, – а в соседнем доме, вон за окном, кафешка. И там Лёшка Остудин свою свадьбу играл. Меня пригласил, а я выйти не могу. Вот, стою на балконе, как на капитанском мостике, облизываюсь. Потом канат спустил, и мне Лёша так бутылочки наверх подавал. Майна-вира! Хорошо!»

Три поэта

Приехали мы снимать сюжет к нему на дачу. В городе смог, под ногами асфальт плывёт, а здесь лесная тишина, под шинами шишки хрустят, в оконце хвоей обдаёт. Подъезжаем к воротам и начинаем искать дачу Кутуя.

Я здесь был в первый раз, охранника на месте не оказалось, и спросить не у кого. Будний день, дачи – пустые. Полагаясь на чутьё, иду к самому заросшему лопухами и смородиной участку и замечаю в глубине – красную панамку, как большой цветок. Он собирал «падушки» – опавшие яблоки-скороспелки. Подумалось тогда, вот такой и должна быть настоящая дача поэта! Я

протиснулся к нему, обжигаясь крапивой. Он спросил коротко: «Привёз?» Я в ответ звякнул бутылочным стеклом в спортивной сумке. Тут вышло солнышко из-за дождевой, но пустой тучи, и лицо мэтра озарилось внутренней улыбкой.

Прошли в дом, внутри которого был полный тарарам, и покрывшиеся плесенью яблоки померещились мышами; в конце вдруг отыскалась странная потайная комната, обитая тёмно-синей парчой с золотыми звёздами. Широкая низкая кровать застелена пледом с кисточками, свежее крахмальное бельё, повсюду безупречный порядок. Окна были завешаны тяжёлыми театральными шторами, не хватало только канделябров!

Всё же решили снимать во дворике, там светлее, да и зелень сада будет хорошим обрамлением для героя. Интервью должна была брать одна недалёкая журналистка с большими претензиями. Он таких сразу опускал на землю. Она и рта не успела открыть, а он уже всё понял, но пока был трезв – терпел.

Картинка получилась красивой. Сидит за качающимся столиком седой поэт в красной панамке, жуёт яблочко, а над ним старая яблоня шумит, передвигая корявую тень туда-сюда. Червивые плоды стучат «кулачками» по столу, а мэтр отвечает невпопад на глупенькие вопросы.

Пока оператор бегал за новым аккумулятором, он зашёл на кухню, и там мы усугубили. Два раза по пятьдесят и три забродившие вишенки вдгонку. После чего я не узнал его. Он вышел в сад, насупился, надвинув панамку на глаза, и перестал обращать всякое внимание на журналистку. Та задаёт вопросы, а он молчит и ухмыляется. Потом вдруг поворачивается ко мне и громко так спрашивает: «Ты кого мне привёл? Она же – дура!».

Журналистка, понятное дело, надулась и уехала. А я остался. И тогда он повёл меня в гости к Мударрису Аглямому, который обитал в другом конце садового общества. Тот только что собрал яблоки и высыпал их на пол, так что ходить по комнате было проблематично. Но запах стоял обалденный! Я выудил из сумки «беленькую», увидев которую маленький суетливый Мударрис скрылся в лесу с прокопчённой большой сковородой. Сосновый бор начинался прямо за его домом.

Не прошло и десяти минут, как он вернулся. Сковорода была до краёв полна нежными опятами. Он быстренько их поджарил с луком, и мы начали пировать. Мударрис читал на татарском свои стихи, Кутуй довольно цокал языком и вытирал слёзы. Это была встреча двух настоящих поэтов!

Когда солнце уже клонилось к закату, я нетвёрдой походкой направился к автобусной остановке. У ворот заприметил ещё одного известного в Казани поэта, правда, многие знают его как депутата. Так вот, тот вырубил старый «вишнёвый сад» на своём участке (свежо краснели только пеньки), забетонировал прямую дорожку к своей кубообразной даче из белого кирпича, больше напоминающей производственное сооружение. Сам поэт-депутат собирал в баночку колорадских жуков, облепивших картошку. Обливал их керосином и, злорадствуя, поджигал, а оранжевые личинки с хрустом давил каблуком. Он даже и сейчас был в костюме!

В воротах я ещё раз обернулся и увидел, как за углом мелькнула знакомая красная панамка и пропала в густой зелени заброшенного сада, где, наверное, так хорошо пишется. Ведь настоящим стихам бетонированная дорожка и картошка противопоказаны. Так я полагаю.